

Текст · 7 февраля 2020, 10:46

Никита Сологуб,

«Систему ты *** сломаешь!». Что следователи на самом деле думают о российской наркополитике

Версия Мамонтова

35-летний официально не трудоустроенный волгоградец Дмитрий Мамонтов отмечал 23 февраля прошлого года у родителей своей жены Екатерины. Вечером, когда застолье у родственников закончилось, он вызвал такси. По случайности за рулем оказался старый знакомый Мамонтова — 30-летний Илья Патрин.

До июня 2018 года Мамонтов работал менеджером по закупке металлолома; это подтверждается документами, которые показала «Медиазоне» жена волгоградца Екатерина. Его средний доход на этой должности составлял 17 тысяч рублей в месяц, следует из справки для определения размера пособия по безработице. Кроме того, как музыкант Мамонтов получал авторские отчисления за «минусы», написанные им для заказчика из Москвы (договор о передаче авторских прав есть в распоряжении «Медиазоны»). После увольнения в 2018 году Дмитрий продолжал заниматься скупкой металлолома неофициально, уверяет Екатерина; в выписке с банковской карты Мамонтова за этот период можно обнаружить множество переводов на суммы от 500 до пяти тысяч

рублей, поступавших с разных счетов; кроме того, различные суммы — от трех до 10 тысяч рублей — регулярно поступали Мамонтову с одного и того же счета. По словам его жены, это и есть авторские отчисления.

По словам Мамонтова, он сблизился с Патриным в 2013 году на почве общей любви к музыке и марихуане, которую приятели не раз покупали у одного из местных дилеров. В 2016 году, уверяет Мамонтов, Патрин позвонил и рассказал, что при очередной закупке его задержали^[1] полицейские, он согласился стать их «внештатным агентом» и теперь будет изобличать продавцов за денежное вознаграждение.

После этого приятели на какое-то время перестали общаться, но позже Патрин предложил Мамонтову подработать на ремонте чужой квартиры. Во время этого ремонта, говорит Дмитрий, Патрин угостил его гашишем и показал, как работает онлайн-площадка по продаже наркотиков *Hydra*.

Так или иначе, 23 февраля 2019-го Патрин подвозил Мамонтовых после семейного праздника. Екатерина попросила остановить машину у пивного магазина. Когда она вышла, Патрин рассказал, что «взял кредит в госнаркоконтроле» и поменял старую машину на новую. Потом он предложил приятелю понюхать амфетамин, небольшое количество которого — как раз на одну дорожку — было у таксиста с собой. Пьяный Мамонтов согласился.

Домой он вернулся один — жена отправилась в гости к сестре. Вскоре ему позвонил Патрин. Когда Мамонтов

спросил, «что за гадость^[2]» они нюхали в машине, Патрин предложил скинуться на «нормальный» амфетамин; впрочем, тут же выяснилось, что денег нет ни у одного из приятелей. Тогда Мамонтов через онлайн-систему микрозаймов «Е-Капуста» взял в долг^[3] 1 400 рублей, договорившись, что Патрин через пару дней вернет ему половину суммы, и купил грамм^[4] вещества. Найдя закладку, покупатели поделили амфетамин. Доля Мамонтова была заметно больше; Патрин предложил оставить немного на потом.

Дома Мамонтов употребил большую часть наркотика; вернувшись от сестры Екатерина заметила состояние мужа, и он рассказал ей о поездке за закладкой; жена потребовала срочно вернуть займ, взятый в «Е-Капусте». По словам Мамонтова, на следующий день он позвонил Патрину, объяснил ситуацию и попросил вернуть хотя бы 500 рублей. Патрин согласился, попросив взамен отдать ему оставшийся амфетамин. Через некоторое время он подъехал к дому Мамонтова, который вручил приятелю сверток и забрал у него пятисотрублевую купюру. После этого он отправился в магазин и купил полтора литра пива.

Следом за Мамонтовым в магазин зашел крупный мужчина в штатском — как выяснилось позже, это был старший оперативник отдела наркоконтроля управления МВД по Волгограду Александр Вьюников. По словам Мамонтова, полицейский тут же ударил его по лицу и повалил на пол, а затем в магазине появился еще один сотрудник отдела — Александр

Смирнов; вместе они вытащили Дмитрия на улицу. Случайным свидетелем задержания стал местный житель по имени Игнат^[5]; позже жена Мамонтова Екатерина записала разговор с ним на диктофон.

«Они ему говорят что-то за наркотики, что он наркоман, что какую-то девочку изнасиловал, а тот говорит, что ничего не делал. И один — черненький, полненький — прямо валит его, тот бьется головой, прям ударяется сзади и спиной. Он начинает сопротивляться, а там второй начинает валить. Я подошел, одного оттолкнул, говорю: "Вы че делаете, беспределите?" — "Мы, — говорит, — опергруппа, наркоконтроль". Я говорю: "Ну ладно вы, дебилы!". Вызываю на них милицию, говорю, тут двое избивают человека, представляются полицейскими. Потом подъехала машина, и его посадили туда, я пытался им не дать — там один его душит, а второй по бокам бьет. Кричу: "Ты че, ты ж ему шею сейчас сломаешь!" — "Да ты пьяный, мы тебя сейчас сами закроем". И милиция приехала минут через 40, но его уже увезли. Они говорят, это наши сотрудники, это наркоман, спасибо вам за бдительность», — рассказывает Игнат на записи.

Зная, что амфетамина в свертке осталось совсем немного, Мамонтов предполагал, что на него заведут дело по части 1 статьи 228 УК (хранение наркотиков в значительном размере). Однако в управлении МВД по Волгограду оперативники объяснили, что для того, чтобы вменить хранение, такого веса недостаточно^[6] — и поставили задержанного перед выбором:

либо его обвинят в сбыте, либо Мамонтов берет у оперативников пакет с марихуаной, которой будет

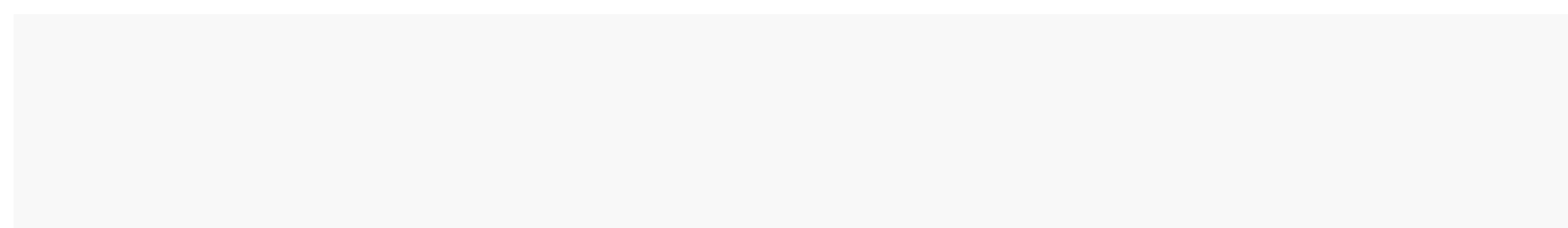
достаточно для *значительного размера*, и признается в его хранении. Волгоградец согласился на второй вариант. Вьюников вызвал сотрудников ГАИ, и они увезли Мамонтова в отдел полиции №2. В кармане куртки у Дмитрия к этому моменту уже лежал пакет с 14 граммами марихуаны.

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

В дороге сверток показался Мамонтову слишком большим^[7] — он стал подозревать, что речь идет не о значительном, а о *крупном размере*. Когда машина остановилась, Мамонтов незаметно выбросил сверток под колеса. Обнаружив, что с собой у задержанного ничего нет, сотрудники ГАИ позвонили Вьюникову.

Оперативник снова повез Дмитрия в городское управление МВД. По пути Вьюников кому-то звонил и просил доставить к нему понятых.

Коршак в 2011 году был осужден за разбой, Анатольев — в 2014 году по статье о хранении наркотиков. Человек с такими же фамилией и инициалами, как у Анатольева, упоминается в [приговоре](#) Кировского районного суда Волгограда по делу о сбыте наркотиков — он проходил как понятой, участвовавший в «проверочной закупке». При этом понятые с теми же инициалами, что у Анатольева и Коршака — А.А.П. и К.И.Н. — фигурируют в приговорах еще по десяти делам о наркотиках, вынесенных разными судами Волгограда.

Ими оказались угрюмые худые мужчины — 40-летний Игорь Коршак и 39-летний Андрей Анатольев. Лишь тогда, говорит Мамонтов, оперативники оформили протокол изъятия марихуаны у него и амфетамина — у Патрина, который в документе был обозначен как «покупатель» без указания имени и фамилии.

После этого Вьюников снова предложил задержанному выбор: либо его продолжают избивать, проводят у него дома обыск в присутствии жены и маленького ребенка и отправляют его в СИЗО — либо Дмитрий признает вину в хранении марихуаны и сбыте амфетамина, сдаст полицейским человека, у которого можно купить марихуану, и получает домашний арест. Мамонтов согласился на второй вариант.

В его показаниях говорится, что он был задержан после продажи неизвестному «разовой дозы» амфетамина в размере 0,172 грамма за 500 рублей,

а при задержании оказал сопротивление, из-за чего полицейские были вынуждены применить боевые приемы^[8]. При себе Мамонтов якобы имел марихуану, когда-то найденную им в окрестностях Волгограда.

Подписав это признание, он позвонил своему приятелю Дмитрию Яковенко^[9]; полицейские провели в отношении него оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка», а Мамонтов выступил «покупателем».

Версия следствия

В материалах дела история Мамонтова изложена совершенно иначе. Если верить документам следствия, 24 февраля 2019 года неназванный «покупатель» написал заявление, в котором указал на продавца амфетамина — «молодого человека по имени Дмитрий», чей телефон совпадает с номером Мамонтова. «Покупатель» согласился участвовать в ОРМ «проверочная закупка», при этом попросив сохранить его личные данные в тайне. Заявителя засекретили. ОРМ проводили оперативники Вьюников и Смирнов; успешно купив наркотики, «покупатель» выдал их полицейским; Мамонтова задержали, при этом он «оказал сопротивление, вел себя нервно, пятился назад».

При личном досмотре с участием понятых Коршака и Анатольева у него нашли 14 грамм марихуаны. На следующий день после задержания он написал объяснение, в котором рассказал, что приобрел амфетамин на площадке *Hydra*, но, испытывая финансовые трудности, предложил

своему знакомому по имени Илья купить у него «дозу» за 500 рублей; тот согласился. Этой же версии Мамонтов придерживался на допросе в качестве обвиняемого и подозреваемого. Понятые Коршак и Анатолев дали идентичные объяснения: они шли по улице, к ним подошел полицейский и предложил принять участие в ОРМ, оба согласились, так как у них было свободное время.

Материал доследственной проверки, составленный оперативником Вьюнниковым, ушел следователю второго следственного отдела управления МВД по Волгограду Максиму Дедушенко. Рассмотрев его, он возбудил уголовное дело по части 1 статьи 228.1 (сбыт наркотиков) и по части 1 статьи 228 (хранение наркотиков в значительном размере). Мамонтова задержали, мерой пресечения суд избрал ему домашний арест. 12 марта 2019 года дело передали следователю Павлу Щербакову, который допросил, в том числе, и оперативников — те сказали, что действовали строго в рамках должностных инструкций.

В конце июня Щербаков направил дело в прокуратуру, указав на единственное смягчающее обстоятельство — наличие у Мамонтова малолетних детей, но зампрокурора вернул его из-за недочетов в оформлении. Через месяц, 29 июля, Мамонтов подал руководителю следственного отдела Оксане Капустиной ходатайство об отводе Щербакова, приложив к нему аудиозапись разговора со следователем, сделанную девятью днями ранее. В зафиксированном разговоре следователь

признавался: он знает, как на самом деле действовали оперативники.

«У нас адвокат к следователю ходил, но тут он заболел, и они вызвали самого Диму — следователь вообще его назло каждый день вызывал, то на полчаса, то на час. И он ему говорит: "Вот, Павел Андреевич, мы же с вами никогда не обсуждали, как на самом деле было". А тот ему: "Дима, я все знаю!". Ну и пошло-поехало — что это опера у них так работают, что понятые одни и те же, что работают они за дозу. Когда мы этот разговор записали, мы решили, что нужно говорить правду. Признательные — три-четыре года, без признательных — на пару лет побольше. Но у нас собраны все доказательства того, как было на самом деле, и теперь главное, как это воспримет суд», — говорит Екатерина Мамонтова.

Начальница следственного отдела Капустина ходатайство об отводе Щербакова не удовлетворила, но через неделю заменила следователя на майора юстиции Михаила Егорова, указав в качестве причины «перераспределение нагрузки».

19 августа Мамонтов вновь был допрошен в качестве обвиняемого — лишь тогда он рассказал, как покупал амфетамин вместе с Патриным. На очной ставке оперативники и понятые не подтвердили его показания. С декабря прошлого года дело рассматривается в Краснооктябрьском районном суде Волгограда.

«Медиазона» публикует записанный Дмитрием Мамонтовым разговор со следователями Щербаковым и Дедушенко.

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Разговор Мамонтова со следователями

20 июля 2019 года. Проходная управления МВД по Волгограду. Мамонтов пытается попасть к следователю Щербакову.

Мамонтов. Здравствуйте! А следователя Щербакова можно пригласить, пожалуйста? Он меня вызвал к девяти часам.

Дежурный. Телефон есть?

Мамонтов. Нету. Вы его по коммутатору вызовите, он приходит.

Дежурный. Сейчас я ему позвоню!

Щербаков разрешает Мамонтову подняться, тот проходит в кабинет. За столом напротив следователя сидит девушка — его коллега.

Девушка. Дай флешку, я щас скину себе...

Щербаков. ***** [блин], тебе еще и клавиатуру! Это дай, че тебе еще, ***** [блин] дать?

Девушка. Тебе че, жалко?

Щербаков. ***** [блин], у вас ни у кого ничего, на *** [хрен], нет своего, ***** [блин]!

Мамонтов. Павел Андреевич, если есть дело, можно его посмотреть, полистать? Чего сидеть просто так?

Щербаков. Можно, но только оно расшито, так что лист в лист чтоб потом. Полчаса посидишь и пойдешь!

Мамонтов. Да, чтоб время ваше не занимал...

Щербаков. Не, Дим, у меня времени вагон и маленькая тележка! Я никуда же не спешу.

Мамонтов в течение нескольких минут читает материалы дела в тишине.

Девушка. А [неразборчиво называет фамилию] сегодня придет?

Щербаков. *** [хрен], ***** [блин]! Ты видела, че она сделала? ***** [дурашка], ***** [блин]. Тупорылая, ***** [блин], овца, ***** [блин]. «Че» да «че», ***** [блин]. А ни *** [хрена], ниче, ***** [блин]... Ни *** [хрена] ниче не умеет, ***** [блин]. Три допроса, все в один момент, ***** [фак]! Ну как так, сука? Вы че, дауны там, ***** [блин], что ли?

Девушка. Это она сделала или опера?

Щербаков. Она осматривает машину с таксистом, а таксиста там ни *** [хрена] даже не вписано! Зато потом пишет сверху, ***** [фак]: «Не возражаю». ***** [фак]... Сука... Я завтра, ***** [блин], ей скажу, ***** [блин]. А потом — ***** [фак], ***** [фак] на камеру.

Щербаков обращает внимание на то, как внимательно Мамонтов читает документы.

Щербаков. Дима, там ниче не прибавилось! Нет, ты смотри конечно, я тебе не запрещаю. Это твое право! *(Бормочет что-то себе под нос, а потом продолжает громко возмущаться).* Премию будут давать — на *** [на хрен] надо, я откажусь! Потом, ***** [блин], выслушивать... Какого *** [хрена] им дают? А нам че? А ниче. «Тебе уже дали, ***** [фак]»... Ой, да на *** [хрен]. ***** [совершенно наплевать]! Ну, это звезда, ***** [блин], местного уровня! Ух, *** [блин], как ***** [классно], ***** [блин], заходит там...

Коллега Щербакова выходит из кабинета.

Мамонтов. Павел Андреевич, да я вообще, знаете, как бы хотел с вами, так вот... Мы с вами так вот лично никогда не разговаривали. Ни разу.

Щербаков. Нет.

Мамонтов. Что произошло вообще там...

Щербаков. Да я знаю, я уже знаю, что произошло и как это все было. Я знаю, просто не пойму, что вы тянете. Вы это в суде хотите рассказать?

Мамонтов. Нет, подождите, откуда вы знаете? Опера сами рассказали?

Щербаков. Нет, опера никогда не признаются.

Мамонтов. Никогда не признаются?

Щербаков. Никогда. Ты че, Диман, вообще никогда!

Мамонтов. Вы же понимаете, смотрите, вы же понимаете, если с самого плохого вот начать, что анашу они мне подкинули?

Щербаков. Ну да! Так, давай мы сейчас об этом с тобой как минимум здесь говорить не будем. Хорошо?

Мамонтов. Хорошо! Ладно, вы понимаете о чем речь идет, да?

Щербаков. Да, я все прекрасно понимаю!

Мамонтов. Посмотрите, как было, я вам просто расскажу, как на духу! Мы с супругой 23-го числа отмечали 23 февраля. Вызвали такси, приехал на этот звонок Илья Патрин, чисто случайно. Говорит: «Диман, привет, как дела, что как?». Супруга, в общем, когда мы ехали до Депутатской, говорит: «Останови мне около пивного ларька, я потом к сестре поеду, а ты домой пойдешь». Он останавливает около пивного ларька, она выходит, а он мне говорит: «Будешь амфетамин?». Я так подвыпивший был, я говорю: «Илюх, я давно уже ничего не жру». Он такой: «Ну на, здесь чуть-чуть» — и дает мне бумажный сверток с феном, чуть-чуть фена там, дает. Я, дурак, беру.

Щербаков. Диман, я знаю, как это все было.

Мамонтов. Нет, но вы конкретно не знаете...

Щербаков. Где тебя принимали, как тебя принимали...

Мамонтов. Нет-нет, смотрите! Я беру все это хозяйство, я его нюхаю, короче говоря, там, в машине.

Щербаков. Он нюхается?

Мамонтов. Ну конечно...

Щербаков. Я не знал. Ну?

Мамонтов. Нюхаю его, потом, короче, заводит он меня домой, супругу отвозит... И звонит мне и говорит: «Ну че, нормально?». Я говорю: «Что ты за говно мне дал?». Говорю: «Фигня какая-то плохая». Он говорит: «Ну давай лучше возьмем?». Я говорю: «Ну давай попробуем». В итоге мы с ним договариваемся, заходим на *Hydra*, выбираем, покупаем, едем с ним вдвоем. Мы приехали, разделили с ним напополам, но перед этим вопрос был по деньгам, кто это будет брать. Смотрите, Павел Андреевич, он сказал: «Возьми, пожалуйста, на свои деньги»...

Щербаков. «...а я тебе верну!».

Мамонтов. Да, «а я тебе верну!». Я беру займ в «Е-капусте». Берем мы на мои деньги. Когда приехали, делим напополам это все, он говорит: «Я тебе завтра верну, послезавтра, в ближайшие два дня». Я говорю: «Хорошо». Потом как ни в чем не

бывало сижу дома. Вечером он мне звонит, говорит: «Диман, я все сожрал, и вообще ты себе больше взял, можешь ты мне еще чуть-чуть дать?». Я говорю: «Илюх, у меня осталось вот что, давай я тебе отдам. А че с деньгами-то вообще, определился? Мне надо возвращать займ!». Он говорит: «Да, определился, сейчас я тебе пятихатку отдам, да и все!». Я выхожу без задней мысли, сами понимаете...

Щербаков. Ага.

Мамонтов. Ну и все, ***** [блин], выхожу, отдаю ему эту херню, которую, понимаешь, по праву, если так по закону разобраться — это его же, евошняя фигня!

Щербаков. Да понятно! Да я понимаю все!

Мамонтов. Но в итоге потом, короче говоря, я иду в пивной ларек, меня хлопает Вьюнников, там лупит меня, вдвоем они были! Павел Андреевич, но вы же понимаете, что не было понятых? Они потом только приехали [в управление МВД по Волгограду] на Иркутскую [улицу понятые] Коршак и Анатолев!

Щербаков. Смотри...

Мамонтов. Но чисто по-человечески? Их не было?

Щербаков. Смотри, да, вопросов нет. Но то, что они приносят, я вот сижу в кабинете...

Мамонтов. У вас бумажки чисто, по бумажкам все есть...

Щербаков. У меня бумажки чисто, по бумажкам все есть!

Мамонтов. Павел Андреевич, но почему вы на следственных действиях — ну вы же понимали, что ни за что меня закрывают? Я потом в итоге взял на себя курево это, которое они мне дали — я не дорассказал, что я приехал туда, говорю: «Пацаны, давайте какнибудь решать». Они говорят: «Хорошо». Не буду вдаваться в детали, говорят: «Давай мы вот сейчас тебе хранение делаем». Я говорю: «Ну, сделайте мне хранение с фена с этого». Они говорят: «Нет, он на статью не идет! Там мало. Вот тебе анаша, сейчас вызываем гаишников, ты берешь на себя хранение». Еду пока в отдел полиции №2, и, знаете, испугался я за вес, не знал законов и испугался, думал не первая часть будет, а какая-нибудь... Будет хер его знает че. В итоге, думаю, не возьму на себя. Приезжаю, выкидываю этот пакет. Думаю, да они сейчас, короче, по-человечески поймут, не будут... А они вызывают тех оперов, те приезжают, отвозят меня в отдел к себе и оформляют.

Щербаков. Тебя лупили в отделе?

Мамонтов. Да меня везде лупили, ***** [блин], как сидорову козу. Я весь синий был! ***** [блин], меня около пивного ларька, потом на лавочке, потом потащили ***** [блин], там душили меня, душил Вьюнников, я там чуть не сдох на *** [хрен]. В отделе, ***** [блин], Смирнов прикладывался. Я прям, знаешь, я понимаю, что это их работа — бить! Преступник — значит надо бить! Это я все понимаю, но, Павел Андреевич, сами понимаете, если бы они понимали,

что я сбытчик, они бы меня сразу по этому сбыту и закатали, они даже бы хранение не предложили бы сделать. Они бы закатали бы меня полностью! Вы согласны со мной, Павел Андреевич?!

Щербаков. Согласен!

Мамонтов. Я поехал, выкинул пакет, потом вернулся за мной Смирнов, повез меня туда и начал оформлять. Я говорю: «Оформляйте, че хотите». Они оформляют: амфетамин — сбыт, курево — хранение! Я говорю: «А курево-то на хрена хранение — оно не мое!». — «Как не твое? Твое! Уже твое все!».

Щербаков. Ну понятно!

Мамонтов. Понимаете, в чем дело?

Щербаков. Расклад такой: просто видишь, я знаю твою историю, я ее узнал не так давно.

Мамонтов. Вы ее уже узнали, когда дело уже, ***** [блин], сколотили!

Щербаков. У меня просто, видишь, у меня по бумажкам — у них все ровно, все чисто по бумажкам! Понимаешь? Они приносят, а я не могу им не доверять! Понимаешь?

Мамонтов. Павел Андреевич, вы же можете как следователь увидеть, что понятых не было?

Щербаков. А как? Они допрошены, ***** [блин]...

Мамонтов. Павел Андреевич, вот честно сказать, вы когда допрашивали их, меня допрашивали, я отказался, но было такое, что для них уже были показания готовы [написаны оперативниками]?

Щербаков. У них всегда готовы!

Мамонтов. То есть это не вы говорили, а вам уже дали опера их показания?

Щербаков. Нет, я их сам реально допрашивал. Во-первых, понятые — это, *** [блин], те же нарики!

Мамонтов. Это понятно!

Щербаков. Им опера рассказывают, как было, они это знают, ***** [фак], лучше, чем я. Они меня могут поправлять в ходе допроса. Понимаешь?

Мамонтов. Павел Андреевич, но их не было! Понимаете? Их не было, они приехали потом, эти понятые!

Щербаков. Понимаешь, это доказать нужно, что их не было!

Мамонтов. Их же можно спросить! Вы же следовательно, вы же можете расколоть их в два счета, что их не было!

Щербаков. Нет, эти не расколются, ты че. Это, ***** [фак]... У тебя [понятые] Коршак и Анатолев? Это ***** [провал]... Они у меня в каждом, через одно дело! У [Дедушенко] Макса через одно дело они!

Мамонтов. Это разве законно вообще?

Щербаков. Что они принимают участие?

Мамонтов. Постоянно, да!

Щербаков. Ну, вообще да! Понимаешь, они за это деньги получают! Это, ***** [блин], грубо говоря, агенты, грубо говоря, понимаешь?

Мамонтов. Не, ну смотрите, здесь деньги, наверное, не деньгами... Просто дело в том, что, как сказать, да, наверное, по закону можно это делать, да! Но эти агенты не должны получать деньги, «закупщики» могут получать...

Щербаков. Эти тоже получают.

Мамонтов. А понятые?

Щербаков. Или получают долю — вот то, что у наркоманов изымают, да, они получают с этого долю, наркотики, соответственно.

Мамонтов. Наркотики, понятно!

Щербаков. Они за это и работают! Опера им говорят: «Вы гаситесь, ***** [фак], травитесь там сами, ***** [фак], мы вас трогать не будем, ***** [фак], но по первому звонку вы, ***** [фак], здесь!».

Мамонтов. Да, это понятно!

Щербаков. Ну а че, ну вот так вот они и работают.

Мамонтов. Павел Андреевич, я понял!

Входит следователь Максим Дедушенко, возбудивший дело в отношении Мамонтова.

Щербаков. Тебе даже Макс скажет, что, ***** [блин], ну *** [хрен] его знает, ну...

Дедушенко. Что случилось?

Мамонтов. Да что Коршака и Анатольева, их не было при приеме при моем, вообще! Они приехали потом, подписали бумажки и все! Максим... Я просто по отчеству не знаю, как?..

Дедушенко. Да просто Максим.

Мамонтов. Максим, вы как следователь, вы же можете расколоть понятого, ***** [блин], что ни хера его не было там? И Павел Андреевич ступодово может, вас учили в академии этому! Вы просто не хотите расколоть его, ***** [блин]! Я же в долгу перед вами не останусь, если вы расколете и все, ***** [конец], ***** [блин]! Нет, ***** [блин], вы мне эту первую часть и все. Я даже на себя хранение это взял, которое они мне подкинули, которое они мне дали, а потом сказали: «Диман, обратно мы у тебя его не возьмем!».

Щербаков. Как тебе объяснить, сейчас если... Знаешь, как будет... Политика партии, система такова! Грубо говоря, тебе помогает следователь, да, дело разваливается, да, смотри: по бумагам все ***** [зашибись], дело разваливается, ***** [блин], тебя оправдывают на *** [хрен], большие шапки на *** [хрен] лишаются своих должностей. И как минимум я тоже теряю свою работу.

Мамонтов. Это я понял.

Дедушенко. А за оправдательный, ***** [фак], не дай бог вообще...

Щербаков. Это прям сразу, я тебе говорю!

Мамонтов. Подождите, Павел Андреевич. Если, ***** [блин], этот мой сбыт, ***** [блин], через [статью УК о пособничестве] тридцатую, что я помог ему купить этому Илюше, и все?

Щербаков. Даже если б Илюша был бы не засекречен, он бы сказал: «Че, ***** [больной], что ли?». Он не признается никогда, он под операми ходит!

Мамонтов. Да он дичь, он, признается сразу, ***** [блин]!

Щербаков. Не признается.

Мамонтов. Единственное, понимаете, Павел Андреевич, если б я был барыгой, я бы знал, за что я иду, понимаешь? Мне это запахло всю жизнь было. Я просто этому, ***** [блин], ***** [минетчику] вынес его же, он сказал: «Диман, ты мне там, мы пополам с тобой разделили не поровну, дай мне чуть-чуть еще!». Выношу ему чуть-чуть, и меня здесь хлобучат. Еду туда, они говорят, *** [хрен] с тобой, ладно, на тебе курево — на хранение, а потом с нами будешь работать. Я еду, сбрасываю это курево, потому что там вес был такой, было до ***** [очень много], думаю, сейчас какуюнибудь вторую часть ***** [сделают].

Дедушенко. Поэтому тебе и ***** [вменили] сбыт, потому что ты сбросил курево.

Мамонтов. Максим, если б я изначально знал, что этим хранением все и обойдется, я бы на себя его взял, я просто, знаешь, не знаю законов!

Дедушенко. Вторая часть хранения от ста грамм начинается, сто грамм, это где-то, на *** [хрен], наверное, десять стаканов. Там просто еще проблема в том, что ты поначалу ***** [выпендриваться] начал, там, ***** [драться] с Вьюнниковым начал, ***** [блин].

Мамонтов. Да это он ***** [врет], с Вьюнниковым, на *** [хрен], ***** [подерешься] еще... Вот он меня тащит, а я даже не дернулся, ***** [блин], за куртку схватил! Ему показалось, что я хочу ***** [сбежать], ***** [блин], и он меня до такой степени душил, что я там хрипел, как скотина!

Дедушенко. Да, он здоровый, ***** [блин], конечно!

Щербаков. ***** [куда] там! Там туша!

Дедушенко. Ну вот смотри, давай я тебе скажу, какой выход у тебя есть — ну, именно в рамках закона.

Щербаков. Да, в рамках закона и с тем условием, что ты реально в жопе!

Дедушенко. Вот в рамках закона смотри, какой у тебя выход есть. Вот есть Горчаков Витя, знаешь такого?

Мамонтов. Нет, честно не знаю.

Дедушенко. Ну так, приборывивал — короче, у него сбыт, первая часть. И он тоже закупался потом, как и ты. Вот у него смотри, он все это сделал... Я сам ***** [делаю] рапорт от имени опера, что, ***** [блин], так и так, что он добровольно захотел, ***** [блин], изобличить более тяжкое преступление, все характеризующее положено — раскрыл более тяжкое, как и ты. И я ***** [делаю] ему характеристику положительную, что он красавчик, у него адвокат платный, всех жильцов опрашивает, все говорят, что он, ***** [блин], красавчик, по дому помогает, всем занимается, все, у него ребенок малолетний, тоже свидетельство о рождении прикладываю туда, он все тоже признает, явку даже вначале писал, все у него, ***** [блин], красиво. Все какие есть смягчающие, у него есть все! Он сейчас за этот сбыт получит условку явно!

Мамонтов. Да ладно!

Дедушенко. За первую часть сбыта! За первую часть сбыта можно условку получить!

Мамонтов. Павел Андреевич, ну напиши мне такой же рапорт!

Дедушенко. Но для этого надо не ***** [выпендриваться], понимаешь?

Мамонтов. Нет, ну а что нужно? Мы со всем согласились, мы не ***** [выпендриваемся]!

Щербаков. *(Обращаясь к Дедушенко).* Ты в обвинительном написал пункты «активное содействие следствию»?

Дедушенко. Я, значит, написал «активное способствование расследованию», «содействие в выявлении более тяжкого преступления», «наличие малолетнего ребенка»... Свидетельство о рождении есть у тебя?

Щербаков. Есть, есть!

Дедушенко. И попроси, пусть адвокат напишет характеристику от соседей, но только, ***** [блин], за сегодня, ***** [блин].

Щербаков. Только там печать нужна, ***** [блин]!

Мамонтов. И че, Горчаков получил условно?

Дедушенко. Нет, он получит! Сейчас суд, и все там будет нормально!

Мамонтов. Я понимаю, что вы хотите... Но нету у нас условников вообще!

Щербаков. Да есть, вот только мы общались с [начальницей следственного отдела Капустиной] Оксаной.

Дедушенко. Ты где смотрел?

Мамонтов. Жена смотрит с 2016 года по 2019 год, все, ***** [блин], суды, ***** [блин], наших районов, даже Волжский и Городище посмотрела, ни одного приговора нет!

Дедушенко. Ну вот смотри — по храняшке первой части срок реальный никогда не дают.

Мамонтов. Да это понятно, штраф там могут, даже штраф дать!

Дедушенко. А по сбыту, по сбыту там....

Мамонтов. Три года, три года это минимум.

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Дедушенко. Смотри в чем суть, судья может дать меньше меньшего, если есть до *** [хрена] смягчающих обстоятельств. Я направлял [более тяжкую] четвертую часть сбыта украинца, он ни *** [хрена] не судимый, положительно характеризуется, явку написал, все. Он не раскрыл никакого более тяжкого преступления — ему восемь дали, а статья от 10 до 20. Ему дали восемь!

Мамонтов. Да я понимаю, Максим, здесь речь идет, чтобы вообще не сесть, условника не будет — я это знаю. И знаете, че поганое — *** [хрен] с ним, статья остается — у меня дите ***** [блин], у меня жена, ***** [блин], образ жизни вообще не тот!

Дедушенко. Ну вот мы [с Капустиной] общались, вот только сидели — она говорит, она сколько работает, вот у нее было два раза, что по первой части сбыта давали условку. Два раза такое было у нее.

Щербаков. Диман, просто знаешь, в чем позиция у меня? Мне надо, чтоб мне все подписали, мне надо это дело в суд отдать!

Мамонтов. Я понимаю, Павел Андреевич, но, ***** [блин]...

Щербаков. Мы тебе продлили домашний арест до сентября. Если я его в этом месяце передам, его никто не кинется читать, потому что прокуратура увидит и скажет: «У него там сроков еще ***** [очуметь] сколько!». Думаешь, они сразу начнут твое дело читать? Оно у них будет мертвым грузом лежать, это тебе даже Макс не даст соврать!

Мамонтов. Павел Андреевич...

Дедушенко. А когда в суд дело твое попадет, там знаешь, как будет? Понятые, которые Коршак с Анатольевым, они у тебя понятые?

Мамонтов. Да.

Дедушенко. Они постоянно задействованы где-то. Они раз не явятся в суд — заседание отложат, заседание отложат на неделю, потом еще...

Щербаков. Потом адвокат, ***** [блин], не сможет явиться — еще на неделю...

Дедушенко. Потом ты заболеешь, и тоже...

Мамонтов. Да я хотел вообще... Думал, может, вы объективно ко всему подойдете? Что, ***** [блин], Коршак-Маршак, их просто не было! Просто их не было, сука! У меня их не было, и если, Максим, это доказать, что их не было, ***** [блин], то все. Опера не ***** [обманули] меня только в том, что с обыском не поедут ко мне, вот с обыском я им благодарен!

Щербаков. А че, было что-то дома?

Мамонтов. Че было? У меня там жена была, ***** [блин], с маленьким ребенком!

Дедушенко. Как, ***** [блин], в фильме «Лицо со шрамом». Прикинь, сидит, заходят — обыск. Дима сидит, ***** [фак], за столом, там горы фена, прикинь...

Мамонтов. Че у меня там было? Я ж — Павел Андреевич, вы понимаете, в чем дело — я живу нормальной жизнью! Просто у меня сейчас такой период был, ***** [блин], что...

Щербаков. Черная полоса! Поверь, она у меня тоже имеется.

Дедушенко. Наркоман ты, Диман.

Мамонтов. Да не наркоман, ***** [блин], я! Ну че ты, Максим, ты че, по мне не видишь, что я не наркоман?

Дедушенко. Ну так, ***** [фак]! Траву покуриваешь!

Мамонтов. Траву все курят!

Дедушенко. Диман, а что на руке наколото?

Мамонтов. Звуковая дорожка.

Дедушенко. Песня опять, что ли?

Мамонтов. Ну, в песне слова...

Дедушенко. А! Со смыслом, ***** [блин]! <...> Не знаю, я вот, вот со своими делами, если я вижу, что че-то какая то ***** [ерунда] начинается, я говорю — давай я, сука, все смягчающие тебе напишу, чтоб ты, ***** [блин], не ***** [выпендривался], но статья пойдет та же. Ну тебе в любом случае деваться некуда! Понимаешь, у нас система! Система, ***** [блин], систему ты *** [хрен] сломаешь! Дело пойдет в суд первой частью сбыта и первой частью хранения, а что касается уже улучшения положения — это вот все, что я перечислил. Это справки, характеристики, рапорт.

Мамонтов. Просто дело в том, что, смотрите, в любом случае это можно сделать как пособничество, можно это сделать влегкую, ***** [блин], вы просто сами не хотите этого делать.

Дедушенко. У тебя кто закупщик?

Мамонтов. Илюша Патрин, ***** [блин], я его 19 лет знаю, ***** [блин]. Мы с ним музыкой занимались, с этим Илюшей, он звукорежиссер, ***** [блин], я там тоже музыкой занимаюсь. Я его знал, я ему доверял, ***** [блин], я даже не думал, что он такую ***** [ерунду] замутит! Даже не знаю, почему он такую ***** [ерунду] замутил!

Дедушенко. А потому что его взяли за жопу неслабо, ***** [блин].

Мамонтов. Да не взяли его, он работает, получает зарплату...

Дедушенко. Взяли.

Щербаков. Да взяли его, конечно. Ты думаешь, он тебя бы так подставлял? Он, кажись, в какой-то подобной ситуации как и ты оказался. Или от хорошей жизни он пошел такой ***** [ерундой] заниматься? Я думаю, что нет.

Мамонтов. Нет, подожди, я когда с ним последний раз виделся, он говорит: «Диман, я работаю, ***** [блин], с ГНК, плотно работаю, сотрудничаю, я вот сейчас принял типа, который приехал, ***** [блин], откуда-то с Москвы, с поясом, ***** [блин], набитым экстази». А он как раз машину поменял. Я думаю: «А откуда у тебя машина?». В итоге, Максим, он мне говорит: «Диман, нужно зарабатывать бабосы». Я говорю: «И че, какие есть мысли?». Он говорит: «Нужно склад^[10] открывать, типа. Через *Hydra*». Я говорю: «А с ГНК как?».

Следователи раздражаются громким смехом.

Щербаков. Ни *** [хрена] себе!

Дедушенко. Вы будете поставщиками друг для друга!

Мамонтов. Он говорит: «Все схвачено с гээнкашниками!». Я говорю: «Ты, ну, ты от них? Связь какая-то с ними? Склад? У тебя откуда

наркоты столько-то, ***** [блин]?». Он говорит: «Все ***** [зашибись], сейчас нужен склад, будешь искать склад». Вы представляете? Он такую ***** [ерунду] двигает, ***** [фак], и меняет тачку, ***** [блин], уже себе на другую. Я думаю: «Ну понятно, ***** [блин], склад замутил себе».

Следователи на этот рассказ Мамонтова почти не реагируют, лишь бормочут нечто нечленораздельное. Дедушенко выходит из кабинета.

Щербаков. Так что ты, Диман, подумай насчет этой ***** [ерунды]. Ну вот рапорт, если что, я от Вьюнникова выведу, приобщу в характеризующие.

Мамонтов. Ну приобщите, что вам от нас надо? Мы и так признались, приобщите уже. Че надо?

Щербаков. Диман, смотри, давай так, по чесноку. Вы же время тянете, не ходите, потому что у тебя два дня домашнего ареста — день отсидки.

Мамонтов. Ну а вас че, трепет начальство?

Щербаков. Меня ***** [охренеть] как трепят, Диман.

Мамонтов. А вы не говорили Капустиной?

Щербаков. Она в курсе этой истории.

Мамонтов. Ну а что это за отношение, если человек, ***** [блин], реально не виноват? Вот вам ОРМ дали и вы все: «***** [Блин], давай, ***** [блин] сажать».

Щербаков. Вот так вот, да, вот именно вот так у нас происходит, вот никак по-другому.

Мамонтов. Почему с обвинительным уклоном всегда вот так работают следователи? ***** [Блин]...

Щербаков. Система, Диман! Вот реально, спроси у [своего адвоката], он тебе скажет — ***** [фак], система!

Мамонтов. Да это понятное дело, что у нас нет правосудия.

Щербаков. Диман, нет, ты посмотри — у нас в стране 90%, сука, даже 99%^[1] приговоров обвинительных, а если, ***** [блин], оправдательный — ***** [конец] на *** [хрен], меняется начальник следствия! Сразу, сходу.

Мамонтов. Но здесь можно не оправдательный сделать, ***** [блин], здесь можно вывести на пособничество к сбыту. Павел Андреевич, ну вам что стоит?

Щербаков. Диман, это стоит мне, ***** [блин], ***** [проклятой] учебы в академии. Ты думаешь, мне легко все в этой жизни дается, ***** [блин]? С тем учетом, что, ***** [блин], никого, ни помощи никакой никогда не было?

Мамонтов. А что, ты правда из детдома?

Щербаков. Ну а что тебе, вру? Ты думаешь, мне легко все этой в жизни дается, ***** [блин]? Вот каждую копейку... Эту ***** [проклятую] «приору» — я до сих пор кредит плачу, еще пять лет не вышло.

Мамонтов. Павел Андреевич, вот честно сказать, когда ты мне сказал, что из детдома, у меня к тебе, правда, уважение такое проснулось!

Щербаков. У меня никого — ни матери, ни отца. Я не знаю, че такое вот эта вот любовь. Я поэтому здесь и сижу без конца — у меня ничего этого нет, понимаешь?

Мамонтов. Да-да, я тебя понял.

Щербаков. И мне уже самому это надоело. Знаешь, почему я работаю тут? Потому что здесь единственное место, где стабильная зарплата. Думаешь, я ***** [малолеткой] не был? Я и на автомойках работал, ***** [блин], и тачки на «Лукойле» заливал, ***** [фак]. И потом, ну, появилась такая возможность попробовать поступить.

Мамонтов. Павел Андреевич, относительно того, что вы из детдома — все понятно, но с делом то что, ***** [блин]?

Щербаков. Ты думаешь, у нас в детдоме не было наркоманов, ***** [фак]? Были. Сидят!

Мамонтов. Павел Андреевич, но одно дело, что есть за мной грешок — ну, покуривал я там, ну Илюша мне, сука, этот фен дал. Но, понимаете, в чем дело — я, сука, я не барыга! Понимаешь? Я не сбытчик, ***** [блин], который там по дворам...

Щербаков. Диман, я когда узнал эту историю, я все прекрасно понял. Но у меня бумаги о другом говорят.

Мамонтов. Павел Андреевич! Это по дворам, по дворам западло считалось быть барыгой, хотя я знал нормальных пацанов, которые прибарыживали. Павел Андреевич, ***** [блин], ну как? Что, не можете помочь, что ли, никак?

Щербаков. Не могу. Вот ей-богу не могу.

Мамонтов. Тут же здесь хотели многие помочь, сами понимаете...

Щербаков. Диман! ***** [блин], без обид, но тут ***** [финиш]. Я и Капустину, и Вьюнникова звал, все почитал.

Мамонтов. Дело в том, что если Коршак, ***** [блин], с этим Анатолевым...

Щербаков. Они не расколются.

Мамонтов. Скажут, что их не было!

Щербаков. Знаешь, какая фигня была, между нами: Капустина вызывает Вьюнникова, ***** [дуй] сюда, когда вся твоя эта история узналась. ***** [дуй]-ка ты сюда, друг мой, и бери, говорит, с собой своих всех понятых! Он знает, что сказал? «Я *** [хрен] к вам сюда приеду — это раз! Во-вторых, мои понятые без меня не приедут — это два! Они будут говорить только в моем присутствии и только со мной, и если вы хотите меня вызвать — вызывайте меня через мое руководство, ***** [блин], через УВД города».

*** [хрен] он приехал, и тот начальник УВД города сказал: «*** [Хрен] он приедет, ***** [фак], там все четко

и ровно, **** [зачем] вы ему голову ***** [морочите]?». Он так сказал! По бумагам нормально, да? Все! Понимаешь? Ни *** [хрена] никому ничего не надо! Это система! И, ***** [блин], я, конечно, понимаю, тебе надо биться только за правду, не сдаваться, но...

Мамонтов. Смысла нету, да?

Щербаков. ***** [Блин]... Нет, смысл всегда есть в чем-то. Ты и так сейчас бьешься, палки мне в колеса вставляешь, не ходите там... Это видно, что вы бьетесь. Вы там за правду, ***** [фак], «это все не так»! Но в любом случае это все дойдет до суда, и что-то из этого будет.

Мамонтов. Я понял, Павел Андреевич, но если вы это все понимаете, даже если начальница поняла, что понятых не было, ***** [блин], я, ***** [блин], не сбытчик, что это все...

Щербаков. Бумага! Бумага обратное говорит! Грубо говоря, у меня нет оснований не верить операм.

Мамонтов. Я понял. Но если этого [понятого] Коршака посадить и сказать: «Сука, тебя же не было?».

Щербаков. Да он скажет: «Ни *** [хрена]!».

Мамонтов. Да не скажет он, испугается вас!

Щербаков. Да не испугается он меня. У них даже телефонов нет, у этих гондонов. Нету! Я не знаю, как опера их находят — у них даже нет телефонов, ни у одного, ни у второго! Даже в допросах нету телефонов. Я их вызванивал, и мне их опера приводили.

Мамонтов. Конечно, чтоб на биллинге ни *** [хрена] их не пропалили.

Щербаков. Они там тоже, опера, тоже не дураки, не глупые, понимаешь? Они же тоже, ***** [блин], не дураки! Они все это, ***** [блин]...

Ладно, Диман, пойдем, я тебя провожу, работать надо, иди.

Мамонтов выходит из кабинета.

Редактор: Дмитрий Ткачев. «Медиазона» благодарит Анастасию Долгополову за помощь в подготовке материала

-
1. На сайте Краснооктябрьского районного суда Волгограда можно обнаружить приговор Илье Патрину, который в сентябре 2017 года был осужден по части 5 статьи 33, части 1 статьи 228 УК (пособничество в приобретении наркотиков). Из четверых фигурантов этого дела двое — включая Патрина — получили штрафы в размере 30 тысяч рублей, а двое, которых судили за сбыт — 11 и 12 лет колонии строгого режима.
 2. Судя по описанию действия вещества, вместо амфетамина Патрин мог подсунуть Мамонтову альфа-PVP.
 3. Выписка о поступлении на карту Мамонтова 1 400 рублей 23 февраля 2019 года есть в распоряжении «Медиазоны».
 4. Один грамм — вес наркотика, заявленный на витрине магазина; сколько было в свертке на самом деле, Мамонтову неизвестно. Весов у него не было. Теперь он предполагает, что амфетамина было меньше грамма.
 5. Сам очевидец, номер которого Екатерина дала «Медиазоне», говорить с журналистами отказался.

6. Позже экспертиза покажет, что у Патрина изъяли лишь 0,172 грамма амфетамина, а уголовная ответственность за хранение этого вещества наступает с 0,2 грамма.
7. Крупный размер в случае марихуаны начинается от 100 граммов вещества.
8. Согласно акту судебно-медицинского освидетельствования, у Мамонтова зафиксировано множество кровоподтеков на ключице, груди, плече, височно-скуловой области, веках и голени.
9. В дальнейшем против Яковенко было возбуждено дело по части 5 статьи 33, части 1 статьи 228 УК — пособничество в приобретении наркотиков в значительном размере. Екатерина Мамонтова говорит, что ему вменили пособничество в покупке того же свертка с 14 граммами марихуаны, который оперативники перед этим сами вручили ее мужу.
10. Оптовая партия наркотиков для дальнейшей перепродажи в розницу.
11. По состоянию на май 2019 года доля оправдательных приговоров в российских судах составляла 0,23%.